

УДК 340.15

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СОВЕТСКОЙ АДВОКАТУРЫ

Станислав О. Гаврилов ^{a, @}

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@] gavrosh66@mail.ru

Поступила в редакцию 26.04.2018. Принята к печати 31.08.2018.

Ключевые слова:

советское государство, институциональные основы, юстиция, судебная система, адвокатские объединения, коллегия правозащитников

Аннотация: В современной историко-правовой литературе отсутствует единство мнений в определении основных этапов развития института адвокатуры в советский период истории отечественного государства и права, детерминировании его нормативных основ, подходов к определению сущности основных мероприятий партийно-государственной политики по отношению к адвокатуры. В рамках данной статьи на основе анализа российского законодательства о судеустройстве определяются основные тенденции становления и развития советской адвокатуры в 1917–1922 гг., место и роль адвокатуры в системе советской юстиции, раскрываются принципиальные особенности адвокатских объединений и их деятельности. На основе использования социокультурного подхода и методологии системных исследований определена динамика институциональных основ адвокатуры в период формирования советского политического режима. Анализируется кадровый состав, организационное построение и практическая деятельность адвокатуры. Материалы и выводы, содержащиеся в статье, могут быть использованы в процессе дальнейших историко-правовых исследований системы советской юстиции.

Для цитирования: Гаврилов С. О. К вопросу о создании советской адвокатуры // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 62–69.

Введение

Рубежным для российской адвокатуры событием стало начало нового этапа Великой российской революции, связанного с переходом политической власти в руки большевистской партии. Представляется, что одним из наиболее важных последствий этого события для адвокатуры было возвращение к традиционным для России отношениям между государством и обществом [1]. В отличие от Временного правительства, в политике которого обозначился поворот от всепроникающей и доминирующей роли государства в социальных взаимоотношениях, В. И. Ленин, как и его политические соратники, выступал «безусловно за твердую власть и за централизм» [2, с. 290] вплоть до полного искоренения прежнего режима.

Трансформация политических и правовых воззрений В. И. Ленина вполне очевидна. Если летом 1917 г. он обращался к концепции К. Маркса о «вооруженном народе» как революционной силе, способной встать на место разрушенного буржуазного государства, то в начале октября он уже говорил о необходимости создания пролетарского государственного аппарата, более сильного и централизованного, чем до революции.

Именно поэтому попытки изобразить В. И. Ленина как противника государства представляются неубедительными. Основанный преимущественно на работе «Государство и революция» довод Нила Хардинга о том, что государство возникло вопреки ранним большевистским теориям, не учитывает, по всей видимости, пересмотра Лениным теории «коммунистического государства» в конце 1917 г. Гораздо ближе к истине, с нашей точки зрения, утверждения Р. Пайпса о В. И. Ленине как государственнике, который стал «выкорчевывать все существующие институты, чтобы очистить место режиму, позднее получившему определение тоталитарного» [3, с. 589].

Именно в этом контексте и нужно рассматривать историю адвокатуры послеоктябрьского периода. Смена политической власти должна была привести к изменению направления развития таких институтов, каким являлась адвокатура, но конкретные последствия, которые взятие власти большевиками могло иметь для адвокатской корпорации, не сразу были очевидны даже для самих новых правителей, пришедших к власти без определенной программы правовых реформ [4].

Организационно-правовые основания советской адвокатуры на начальном этапе функционирования института

Правовые институты расценивались большевиками как сугубо политические, находящиеся в распоряжении государства. В. И. Ленин писал: «Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это» [5, с. 434]. С точки зрения лидера большевиков, для создания системы правовых институтов с правильной политической и социальной направленностью социалистическая революция должна полностью уничтожить старую государственную машину. В то же время абсолютно неясно, какие именно институты должны заменить ликвидированные, и является ли адвокатура одним из тех институтов, которые подлежат искоренению [6, с. 122].

Ввиду отсутствия четких теоретических оснований политики по отношению к адвокатуры, суть ее детерминировалась практическим опытом большевистских функционеров. В дореволюционный период они активно сотрудничали с адвокатами как с защитниками на политических процессах, как с политическими оппонентами, представлявшими другие партии, преимущественно кадетскую, а также как с коллегами по корпорации [7]. Эти связи убеждали революционеров в том, что адвокатура является по природе консервативным образованием и члены ее, за редким исключением, профессионально, социально и политически связаны с правящими классами.

Другая точка зрения, имевшая распространение в большевистской среде, несмотря на критическое отношение к адвокатуры, была не столь откровенно враждебна к ней. К ее сторонникам следует причислить тех представителей большевизма, которые в свое время сами отдали много времени и сил адвокатской карьере, были более терпимы к этой профессии и, хотя обвиняли адвокатов в защите экономических интересов буржуазии и ее методов внутреннего управления, но признавали при этом роль некоторых прогрессивных адвокатов в поддержке революционеров на процессах и в оказании юридической помощи рабочему классу. Поскольку в выработке политики партии и государства в советский период в основном принимали участие большевики, имевшие отношение к адвокатуры, а их мнения расходились, то понятно, почему после октября 1917 г. были столь противоречивы взгляды относительно выработки правильного курса развития адвокатской профессии.

Однако, несмотря на различия во мнениях, большевики сходились в том, что из-за высокого уровня политизированности корпорации и характера выполняемых в суде функций адвокаты представляют

собой потенциально наиболее оппозиционную группу среди представителей русской интеллигенции.

Новый строй поставил задачу поиска социалистической альтернативы российской дореволюционной адвокатуры. В первый год после революции такой поиск велся с большой осторожностью. Только когда летом 1918 г. усилилась гражданская война, центральные власти приняли решительные меры по нейтрализации деятельности адвокатуры и созданию альтернативных форм правового представительства. Это было началом эксперимента, который продолжался на протяжении всей гражданской войны и привел к радикальному отрицанию самой адвокатской профессии.

Деятельность адвокатов в первые недели после октябрьского восстания 1917 г. не оставляла сомнений относительно их политических симпатий. Так, результатом собрания присяжных поверенных при Петроградском окружном суде, состоявшегося 21 ноября 1917 г., через месяц после падения Временного правительства, стало единогласное (всего при шести воздержавшихся) принятие постановления, осуждавшего итоги событий, которые участники совещания оценили как переворот. По мнению адвокатов, созванное в будущем Учредительное собрание явится единственным легитимным органом власти, в то время как действия «узурпаторов» (попытки связать Россию сепаратным миром с Германией, акции террора и «поправки свободы личности, печати собраний и демонстраций, союзов, независимости судов и органов самоуправления») должны стать объектом решительных протестных акций¹.

Впервые намерения большевиков относительно политического будущего адвокатуры были продемонстрированы в статье П. И. Стучки, опубликованной в «Правде» 10 ноября 1917 г. В публикации содержался призыв ликвидировать как систему прокурорского надзора, так и адвокатскую корпорацию с целью создания нового публичного выборного органа, который объединил бы в своих руках функции обоих упраздненных учреждений.

24 ноября 1917 г. был принят Декрет о суде № 1. Этот документ, явившийся первым нормативным правовым актом большевистского государства, определявшим контуры будущей судебной системы, ликвидировал всю прежнюю систему судостроительства и судопроизводства. Прекращали существование прокурорские и адвокатские учреждения, следственные органы. С этой точки зрения представляются странными утверждения В. Н. Кудрявцева и А. И. Трусова, полагающих, что «идеи, заложенные в Судебных уставах 1864 г., оказались настолько сильны и притягательны, что были в значительной мере использованы в данном декрете»

¹ Век. 1917. 23 ноября.

[8, с. 212]. Содержащуюся в декрете расплывчатую формулировку, согласно которой большинство упраздняемых институтов должно было в кратчайшие сроки возродиться на новых революционных началах, можно не принимать во внимание – никакого правопреемника профессиональной адвокатуры декрет не определял. Функциями судебного представительства и судебной защиты наделялись все «непорочные лица», независимо от пола, пользующиеся гражданскими правами. Таким образом, декрет на волне революционного популизма открывал доступ к адвокатской практике не только профессиональным защитникам, но и всем гражданам республики.

Утрата адвокатурой легального статуса и ликвидация организационных структур присяжных поверенных не привели к немедленному прекращению профессиональной адвокатской деятельности. По крайней мере, в Москве и Петрограде деятельность Советов присяжных поверенных продолжалась еще в течение месяца, а власть этой деятельности воспрепятствовать так и не смогла. Столкнувшись с провалом попытки полного уничтожения корпорации директивным решением, она была вынуждена вернуться к тезису Декрета о суде № 1 о реформировании института в соответствии с новыми классовыми представлениями [9, с. 64].

19 декабря 1917 г. Наркомюст адресовал всем Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов распоряжение о формировании коллегий обвинителей и защитников. Предполагалось дальнейшее использование членов этих коллегий в судопроизводстве революционных трибуналов. Эти органы чрезвычайной юстиции, в свою очередь, создавались на уровне губерний и крупных городов с целью рассмотрения преступлений, совершенных госслужащими, квалифицированными как контрреволюционные действия. Письмо Наркомата юстиции предлагало местным органам государственной власти сформировать присутствие коллегий из числа лиц, у которых было желание «помочь революционному правосудию»². При этом претенденты на вступление в коллессию сразу же рекомендовались на роль будущих обвинителей или защитников, что, по мнению Ю. Хаски, сближало их статус со статусом барристеров в Англии [10, с. 38].

Идея создания нового судебного института, в состав которого входили бы лица, способные сочетать в своей деятельности функции защиты и обвинения, вскоре получила нормативное правовое закрепление. В самом начале 1918 г. в аппарате Наркомюста был разработан проект нового декрета,

предписывавший формирование в структуре создаваемых народных судов коллегий правозащитников. В течение января 1918 г. проект нормативного правового акта дважды становился предметом рассмотрения на заседаниях СНК РСФСР, результатом чего стало внесение в текст существенных поправок. Их главный инициатор В. И. Ленин стремился обеспечить гарантии того, что группа профессиональных правозащитников будет более малочисленной, более квалифицированной и тщательно контролируемой, нежели это было заложено в проекте Комиссариата юстиции. Если по первоначальному законопроекту контроль за деятельностью коллегий правозащитников возлагался на суды, как это было в дореволюционный период, новый вариант установил механизм контроля со стороны местных Советов, отличавшихся большей политической благонадежностью.

Пересмотренный проект нормативного правового акта был принят 7 марта 1918 г. как часть Декрета о суде № 2. Новое законодательное установление предусматривало порядок избрания и отзыва членов коллессии соответствующим Советом рабочих и крестьянских депутатов. Каждый обвиняемый имел право пригласить себе защитника самостоятельно, либо обратиться в народный суд с просьбой предоставить ему такового. При этом в судебных прениях могли участвовать два члена коллессии, один из которых поддерживал обвинение, а второй играл роль защитника.

Принятие данного нормативного правового акта не означало немедленной трансформации прежней модели адвокатуры в новую коллессиальную систему правозащитничества. Представляется, что причины этого явления заключались в следующем.

1. Пробелы в праве. Предписание декрета создавать в структуре народных судов коллессии правозащитников не сопровождалось разъяснением содержания требуемых для этого мероприятий. Оставался неясным организационно-правовой статус коллессий, порядок их взаимодействия с судебным аппаратом, механизм финансирования их деятельности.

2. Перегруженность местных Советов более насущными проблемами. Необходимость радикального пересмотра всего политического устройства и реформирования социально-экономической инфраструктуры, сопровождавшиеся ежедневными директивами из центра, вынудила их отложить образование новых коллессий. В частности, на территории Урала никаких шагов в этом направлении не предпринималось в принципе³.

² Собрание Узаконений. 1917–1919. № 12. С. 170.

³ Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 1: Первый Всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции (21–25 апреля 1918 года): тексты докладов с мест, тезисы докладов, документы и проекты по вопросам организации и деятельности судов, органов расследования и др. М.: Издание Народного Комиссариата юстиции, 1918. С. 5.

3. Прямой саботаж со стороны бывших присяжных поверенных. Последние пытались создать в противовес новым коллегиям собственные адвокатские объединения [11, с. 39].

4. Негативное отношение к содержанию Декрета о суде № 2 со стороны ряда работников местных органов юстиции. Так, делегаты Первого Всероссийского съезда комиссаров юстиции, состоявшегося в Москве в апреле 1918 г., продемонстрировали более критичное отношение к институту правозащитников, нежели разработчики упомянутого нормативного правового акта. Они, в частности, потребовали внести изменения в систему оплаты адвокатских услуг, которая в соответствии с Декретом производилась непосредственно клиентом; съезд же потребовал установления для правозащитников государственных окладов, что ставило последних в явную зависимость от государства и разрывало связь материального свойства между адвокатом и клиентом⁴.

5. Крайне недоверчивое отношение к членам вновь образованных коллегий со стороны населения. Об этом наглядно свидетельствовало выступление представителя Сибирского края на Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции 21 апреля 1918 г.: «при революционном трибунале у нас существует коллегия правозаступников. <...> Лица эти в заседаниях трибунала выступают в качестве обвинителей. Обвиняемые всегда имеют своих защитников из бывших присяжных поверенных, их помощников»⁵.

Процесс формирования коллегий правозаступников несколько ускорился лишь к началу лета 1918 г., хотя этот процесс и осуществлялся крайне противоречиво и медленно. В Петроградской коллегии, например, было лишь двадцать два члена, тогда как до революции здесь практиковало более трех тысяч поверенных⁶.

Поэтому неслучайным является тот факт, что власть продолжала мириться с фактическим продолжением деятельности «старой адвокатуры». Весной 1918 г. группы бывших присяжных и частных поверенных, практиковавших в губернских центрах, предложили руководству исполкомов Советов идею создания профессиональных адвокатских объединений – Союзов адвокатов. Наивно полагая, что отсутствие решительных действий со стороны руководства Советов по отношению к сохраняющейся де-факто частной адвокатуры создает возможность для достижения компромисса, поверенные включили в уставные документы создаваемых Союзов уверения в политической лояльности новому режиму. По мнению Ю. Хаски,

«это была последняя попытка адвокатов найти в советской системе форму существования адвокатуры западного образца» [10, с. 42].

Конец лета 1918 г. ознаменовал новую фазу в развитии советского политического режима. Обязанность расследования уголовных дел и судопроизводства по ним была снята с обычных судов и органов расследования и возложена на чрезвычайные правовые институты, какими являлись ВЧК и революционные трибуналы, созданные еще в конце 1917 г. Традиционные буржуазные нормы права и процесса, применявшиеся в некоторой степени в советском судопроизводстве в первый год после революции, были отвергнуты.

Все это не могло не повлечь за собой ужесточение политики в отношении адвокатуры. В августе-сентябре 1918 г. на контролируемых большевистским режимом территориях были ликвидированы все сохранившиеся к тому времени Советы присяжных поверенных. Заодно были распущены и недавно созданные Союзы адвокатов, а частные адвокаты лишились права участия в судебных процессах.

Подверглась реорганизации и деятельность коллегий правозаступников. 30 ноября 1918 г. ВЦИК принял Положение «О народном суде РСФСР» [12, с. 77]. В соответствии с новым нормативным правовым актом упразднились коллегии правозаступников. Их правопреемниками становились создаваемые при народных судах и ревтрибуналах коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон в гражданском процессе. Отметим, что правовой статус сотрудников новых учреждений был определен более четко: в отличие от членов коллегий правозаступников они считались госслужащими, получавшими оклады, устанавливаемые исполкомами Советов [12, с. 80].

Положение запрещало гражданам непосредственно обращаться к членам коллегии. Свои заявления с просьбой назначить защитника (судебного представителя) они должны были адресовать руководителю адвокатского объединения, либо в судебное учреждение, которые уже могли назначить защитника. Более того, членам коллегий разрешалось участвовать в гражданском судопроизводстве в качестве представителя одной из сторон лишь тогда, когда руководитель коллегии признавал правомерность самого иска и необходимость представительства в данном случае. Таким образом, власть получила реальную возможность влиять на ход дела до его формальной передачи в суд.

Принятие Положения 1918 г. повлекло за собой существенные изменения в институциональных основах адвокатуры.

⁴ Там же, с. 14.

⁵ Там же, с. 15.

⁶ Известия Петроградского Совета. 1918. 10 июня. С. 4.

Во-первых, фактически прекратил существование принцип самоуправления адвокатской корпорации. В ст. 46 лишь упоминается о существовании совета коллегии, но ни механизм его формирования, ни полномочия этого органа (кроме обязанности распределения работы между членами коллегии) не были определены [12, с. 81].

Во-вторых, последствием реформы явилось обвальное сокращение численности корпорации, в чем, в первую очередь, было заинтересовано само большевистское государство [13, с. 4].

В-третьих, принятие Положения 1918 г. повлекло за собой ограничение участия адвокатов в судебных процессах, главным образом по уголовным делам. Они перестали допускаться к участию в предварительном следствии [14, с. 158]. Крайней противоречивостью отличалась и возможность участия представителей защиты в судебном рассмотрении дела [12, с. 80].

Кроме того, действенность механизма защиты обвиняемых в уголовном процессе подрывалась практикой создания разного рода трибуналов, органов чрезвычайной юстиции. В их заседаниях, как правило, не принимали участия ни представители обвинения, ни защитники.

Ближе к концу Гражданской войны в политической элите большевистской России все большее и большее распространение получила идея, согласно которой необходимость профессиональной судебной защиты в социалистическом обществе отсутствовала вообще. Эта идея, кроме того, подпитывалась общим желанием власти распространить всю военизированную систему труда, возникшую в условиях «военного коммунизма», на всю гражданскую экономику и социальную инфраструктуру.

11 мая 1920 г. был предпринят первый шаг к установлению трудовой повинности для адвокатов: принят декрет Совнаркома «О регистрации лиц с высшим юридическим образованием», обязывавший всех получивших высшее юридическое образование, в том числе бывших поверенных, немедленно зарегистрироваться в местных Советах, в противном случае возбуждалось уголовное преследование⁷.

21 октября 1920 г. ВЦИК принял новое Положение «О народном суде». Оно окончательно упразднило коллегии правозаступников. В соответствии с новыми правовыми установлениями «в качестве защитников привлекаются судебными органами граждане, способные исполнять эту обязанность, для чего Исполнительные Комитеты районные, городские и уездные составляют особые списки, порядком, устанавливаемым инструкцией Народно-го комиссара Юстиции» [12, с. 121]. В соответствии

с примечанием к ст. 43 Положения учреждения, в которых работали лица, привлекаемые к исполнению обязанностей защитников, обязывались освободить их от исполнения судебных обязанностей на срок, определенный судом [12, с. 122].

В Положении определялся механизм разрешения ситуации, связанной с отсутствием необходимого количества защитников, привлекаемых в порядке трудовой повинности. В соответствии со ст. 44 Народный суд в этом случае привлекал к участию в процессе консультантов Отделов юстиции. Помимо этого, ст. 45 Положения устанавливала возможность допущения к защите представителей организации, в которой работал обвиняемый, а также его ближайших родственников [12, с. 124]. Существенной новеллой Положения стала четкая регламентация ситуаций, когда участие защитника в процессе было обязательно – присутствие в процессе представителя обвинения, личная просьба обвиняемого, находящегося под стражей [12, с. 121].

По мнению Ю. Хаски, распустив коллегии, власти мало делали, чтобы быстро и эффективно ввести систему трудовой повинности, не предпринимали никаких существенных шагов, чтобы организовать юристов на оказание юридической помощи населению. Отделы юстиции местных Советов, отвечавшие за привлечение юристов к ведению дел в порядке трудовой повинности, не имели влияния на предприятия и государственные учреждения, в которых работали такие юристы. Многие отделы даже не составили их списки, а те, что составили, практически не могли воздействовать на них [13, с. 60].

Традиционно событиями, с которыми связывается начало нового этапа в развитии отечественной адвокатуры, считаются принятие Постановления III сессии ВЦИК «Об адвокатуре»⁸ и утверждение Наркоматом юстиции «Положения о коллегии защитников»⁹.

Постановление ВЦИК было связано с утверждением новой редакции ст. 43–49 Положения о народном суде (1920). Вместо общественных защитников, привлеченных к участию в процессах в порядке трудовой повинности, создавались профессиональные коллегии защитников по уголовным и гражданским делам, состав которых утверждался Президиумами губисполкомов. Впервые в советском законодательстве достаточно четко регламентировалась система оплаты труда защитников (ст. 47–48).

В то же время, представляя собой типичный документ переходного периода, Постановление сохраняло некоторые устаревшие формулировки прежних лет, в частности, допускало к участию в процессах в качестве защитников близких родственников,

⁷ Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1976. Т. 8. С. 182.

⁸ Об адвокатуре. Постановление III сессии ВЦИК от 26.05.1922 // Адвокатура. Сборник документов. М.: Дело, 2005. С. 10–11.

⁹ Положение о коллегии защитников. Утверждено НКЮ 05.07.1922 // Адвокатура. Сборник документов. М.: Дело, 2005. С. 11–16.

представителей общественных (профсоюзы и т.д.) и государственных учреждений и предприятий, иных лиц («с особого разрешения суда»)¹⁰.

Данное противоречие было устранено с принятием Положения о коллегии защитников: никакого «семейного», либо «общественного» представительства интересов оно уже не предполагало. Функции защиты и судебного представительства возлагались исключительно на членов коллегий, создаваемых при совнарсудах.

Положение определяло структуру и порядок формирования губернской адвокатуры. Руководящим органом коллегии становился ее президиум, избираемый на ежегодном общем собрании. Президиум осуществлял руководство текущей деятельностью объединения, ведал финансовыми вопросами, осуществлял дисциплинарные производства. Достаточно подробно прописывалось участие президиума в решении вопросов кадрового блока: за исключением случая, когда коллегия создавалась впервые, вопрос о приеме новых членов являлся его исключительной прерогативой¹¹.

Содержание Постановления и Положения 1922 г. не позволяет четко определить цель создания коллегий и их ролевое предназначение в системе государственного судостроительства – подобные статьи в нормативных правовых актах отсутствуют. Тем не менее, исходя из содержания ст. 46 Положения о народном суде в редакции Постановления 1922 г., посвященной характеристике задач президиума коллегии, можно установить, что задачей деятельности последнего является организация судебной защиты и судебного представительства, а также организация консультаций и иных юридических услуг населению¹².

Условием реализации этих задач, равно как и задачи популяризации советского права, по мнению авторов новой реформы, должно было стать партийное руководство коллегиями. Для этого требовалось обеспечить приток в адвокатуру имеющих юридическую подготовку членов РКП(б), обеспечить их активное участие в работе коллегий, создать в последних большевистские фракции, которые и возьмут всю деятельность адвокатуры под свой контроль. Все эти идеи были изложены

в специальном циркуляре ЦК РКП(б) «О вступлении коммунистов в коллегии защитников» от 2 ноября 1922 г.¹³

Завершение организационно-правовой институционализации адвокатуры состоялось с принятием Постановления ВЦИК от 11.11.1922 «О введении в действие Положения о судостроительстве РСФСР». В этом документе подчеркивалось, что территориальные объединения защитников создаются, в первую очередь, с целью предоставления юридических услуг трудящимся элементам города и деревни. Положение подтвердило, что сам факт создания и деятельности коллегии при губсудах не означает, что функция надзора за их деятельностью возлагается исключительно на суды: эти полномочия были одновременно возложены и на исполкомы Советов, призванные не только контролировать работу защитников, но и создавать для ее оптимальной организации необходимые условия.

Заключение

Таким образом, первые годы существования советского политического режима характеризовались чрезвычайно противоречивыми преобразованиями судебной системы, направленными в конечном счете на формирование новой модели судостроительства и судопроизводства, соответствующей марксистскому правопониманию и задачам чрезвычайной юстиции периода гражданской войны. Отсутствие ясного понимания роли института адвокатуры в новых условиях, сомнения о целесообразности ее сохранения в принципе предопределили постоянную смену правительственной политики по отношению к адвокатской корпорации – от попыток создания коллегий защитников и обвинителей до подмены профессиональной адвокатуры общественной, заключающейся в привлечении к судебной защите мобилизованных в порядке трудовой повинности. Неизменным оставалось лишь одно – стремление к уничтожению институциональных основ дореволюционной присяжной адвокатуры – четкой системы пополнения кадрового состава, механизма самоуправления адвокатских объединений, гонорарной практики и основных направлений адвокатской деятельности.

Литература

1. Шахрай С. М., Краковский К. П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию Судебной реформы в России. М.: Кучково поле, 2014. 536 с.
2. Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 34. С. 289–339.
3. Пайпс Р. Россия при большевиках. М.: Росспэн, 1997. 670 с.

¹⁰ Об адвокатуре. Постановление III сессии ВЦИК от 26.05.1922 // Адвокатура. Сборник документов. М.: Дело, 2005. С. 11.

¹¹ Положение о коллегии защитников. Утверждено НКЮ 05.07.1922 // Адвокатура. Сборник документов. М.: Дело, 2005. С. 12.

¹² Об адвокатуре. Постановление III сессии ВЦИК от 26.05.1922 // Адвокатура. Сборник документов. М.: Дело, 2005. С. 11.

¹³ Известия. 1922. № 10. С. 19.

4. Стучка П. И. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1.
5. Ленин В. И. К вопросу о явке на суд большевистских лидеров // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 32. С. 434–439.
6. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 33. С. 43–211.
7. Немытина М. В. Российское самодержавие и судебная реформа 1864 г. // Государство и право. 2015. № 5. С. 92–98.
8. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. М.: Наука, 2000. 365 с.
9. Дубков Е. П. Демократические основы организации советской адвокатуры: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. 276 с.
10. Хаски Ю. Российская адвокатура и Советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры, 1917–1939. М.: ИГПАН, 1993. 183 с.
11. Галоганов А. П. Российская адвокатура: история и современность. М.: Юрлитинформ, 2003. 287 с.
12. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. М.: Мысль, 2003. Т. 5. 829 с.
13. История русской адвокатуры / под ред. М. Н. Гернета. М.: Издание советов присяжных поверенных, 1916. Т. 2. 443 с.
14. Стрёмовский В. А. Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1966. 260 с.

THE HISTORY OF THE SOVIET BAR ASSOCIATION

Stanislav O. Gavrilov^{a, @}

^a *Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000*

[@] *gavrosh66@mail.ru*

Received 26.04.2018. Accepted 31.08.2018.

Keywords: the Soviet state, institutional foundations, justice, the judicial system, lawyer associations, colleges of pseudo-advocates

Abstract: In modern historical and legal literature there is no unity of opinion in determining the main stages, the normative bases, and the essence of the party-state policy in the development of the institution of the advocacy during the Soviet period. The current research features the main trends in the formation and development of the Soviet Bar associations in 1917–1922, their place and role in the Soviet justice system. The author analyzed the Russian legislation on court organization, the principal features of bar associations, and their activities. The research was based on the sociocultural approach and the methodology of systemic analysis, as well as the dynamics of the institutional foundations of the legal profession during the formation of the Soviet political regime. The analysis also included the personnel composition, organizational structure, and practical activity of the Bar association. The materials and conclusions can be used for further historical and legal studies of the Soviet justice system.

For citation: Gavrilov S. O. K voprosu o sozdanii sovetskoi advokatury [The History of the Soviet Bar Association]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 4 (2018): 62–69.

References

1. Shakhrai S. M., Krakovskii K. P. *Sud skoryi, pravyy, milostivyy i ravnyi dlia vseh. K 150-letiiu Sudebnoi reformy v Rossii* [Justice should be fast, fair, merciful, and equal for all. On the 150th anniversary of judicial reform in Russia]. Moscow: Kuchkovo pole, 2014, 568.
2. Lenin V. I. Uderzhat li bol'sheviki gosudarstvennuiu vlast'? [Will the Bolsheviks retain state power?]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Lenin V. I. Full composition of writings]. Moscow: Politizdat, vol. 34 (1969): 289–339.
3. Paips R. *Rossia pri bol'shevikakh* [Russia under the Bolsheviks]. Moscow: Rosspen, 1997, 670.

4. Stuchka P. I. Proletarskaia revoliutsiia i sud [Proletarian revolution and court]. *Proletarskaia revoliutsiia i pravo = Proletarian revolution and law*, no. 1 (1918): 1.
5. Lenin V. I. K voprosu o iavke na sud bol'shevistskikh liderov [On the matter of the appearance of Bolshevik leaders in court]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Lenin V. I. Full composition of writings]. Moscow: Politizdat, vol. 32 (1969): 434–439.
6. Lenin V. I. Gosudarstvo i revoliutsiia [State and revolution]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Lenin V. I. Complete set of works]. Moscow: Politizdat, vol. 33 (1969): 43–211.
7. Nemytina M. V. Rossiiskoe samoderzhavie i sudebnaia reforma 1864 g. [Russian Tsar regime and court reform of 1864]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 5 (2015): 92–98.
8. Kudriavtsev V. N., Trusov A. I. *Politicheskaia iustitsiia v SSSR* [Political justice in the USSR]. Moscow: Nauka, 2000, 365.
9. Dubkov E. P. *Demokraticheskie osnovy organizatsii sovetskoi advokatury*. Diss. kand. iurid. nauk [Democratic foundations of the organization of the Soviet Bar Association. Cand. Jurispr. Sci. Diss.]. Moscow, 1964, 276.
10. Khaski Iu. I. *Rossiiskaia advokatura i Sovetskoe gosudarstvo. Proiskhozhdenie i razvitie sovetskoi advokatury, 1917–1939* [Russian advocacy and the Soviet state. The origin and development of the Soviet legal profession, 1917–1939]. Moscow: IGPAN, 1993, 183.
11. Galoganov A. P. *Rossiiskaia advokatura: istoriia i sovremennost'* [Russian advocacy: history and modernity]. Moscow: Iurlitinform, 2003, 287.
12. Kutafin O. E., Lebedev V. M., Semigin G. Iu. *Sudebnaia vlast' v Rossii: istoriia, dokumenty* [Judicial Power in Russia: History, Documents]. Moscow: Mysl', vol. 5 (2003): 829.
13. *Istoriia russkoi advokatury* [History of Russian advocacy]. Ed. Gernet M. N. Moscow: Izdanie sovetov prisiazhnykh poverennykh, vol. 2 (1916): 443.
14. Stremovskii V. A. *Uchastniki predvaritel'nogo sledstviia v sovetskom ugovnom protsesse* [Participants in the preliminary investigation in the Soviet criminal process]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta 1966, 289.